

М · О · З · А · И · К · А

МГНОВЕНИЙ

**Уютные рассказы
о тепле, любви и надежде**

Эксклюзивная новая классика

**Валентин Большаков
Гульнара Рахманова
Анна Рыжак
Лев Кузьминский
Мария Меньшикова
Лера Переславцева
Любовь Викторовна Курилюк
Катя Киселева
Алёна Огнева
Елена Шаламонова
Александр Паулан
Мозаика мгновений.
Уютные рассказы о
тепле, любви и надежде
Серия «Эксклюзивная новая классика»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74517456

*Паулан Саша. Мозаика мгновений. Уютные рассказы о тепле, любви и надежде: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-189025-4*

Аннотация

В сборник вошли рассказы современных российских писателей, каждый из которых по-своему говорит о самом важном – любви, дружбе, семье и тех воспоминаниях, которые остаются с нами навсегда. Авторы: Саша Паулан, Лера Переславцева, Валентин Большаков, Катя Киселева, Елена Шаламонова, Лев Кузьминский, Мария Меньшикова, Алёна Огнева, Гульнара Рахманова, Анна Рыжак, Любовь Курилюк.

В этой книге собраны светлые, трогательные и вдохновляющие рассказы о мгновениях, из которых складывается наша жизнь. Словно разноцветная мозаика, они соединяют воспоминания о беззаботном лете и первых чувствах, уют осенних и зимних вечеров, надежду весны и радость простых открытий.

Здесь оживают прогулки по старым улицам, семейные встречи, запах домашней выпечки, теплые закаты, случайные знакомства, дружба, меняющая судьбу, и любовь, которая приходит тогда, когда ее совсем не ждешь. Каждая история напоминает: настоящее счастье рождается в самых простых моментах – улыбке близкого человека, чашке горячего чая, добром поступке или неожиданной встрече.

«Мозаика мгновений» – это книга, которая согревает сердце, дарит надежду, помогает вновь увидеть красоту окружающего мира и сохранить в памяти те драгоценные моменты, которые делают жизнь по-настоящему счастливой.

Содержание

Дом, который дарит тепло	6
Душевные воспоминания	6
Фотоальбом	6
Поезд в детство	17
Пикник с воспоминаниями	22
Деревня Захарово	27
Согревающая природа	35
Дождь	35
Ягодка-калинка	42
Жизнь в окнах	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Саша Паулан, Лера
Переславцева, Валентин
Большаков, Катя Киселева,
Елена Шаламонова и др
Мозаика мгновений.
Уютные рассказы о
тепле, любви и надежде**

© Паулан С., Переславцева Л., Большаков В.,
Киселева К., Шаламонова Е., Кузьминский Л.,
Меньшикова М., Огнева А., Рахманова Г., Рыжак А.,
Курилюк Л., текст

© ООО Издательство АСТ, оформление

Дом, который дарит тепло

Душевные воспоминания

Фотоальбом

Автор рассказа Любовь Курилюк

Скоро очередная годовщина свадьбы. Аня мельком взглянула на себя в зеркало, выходя из кабинета на обеденный перерыв. И прическу нужно поправить, и синяки под глазами магическим образом убрать куда-то подальше, оставить их для «домашних», заменив молодой, красивой, румяной кожей... И улыбаться лучезарно и загадочно, потому что каждый год в честь дня бракосочетания муж водил всю семью на фотосессию. «Правильные» наряды, одинаковая цветовая гамма, интересные сюжеты и, конечно же, счастливые лица всех домочадцев. Чего бы это ни стоило...

Фотографии складывались в только что купленные альбомы. Какие-то дарились родным, другие хранились у Ани и Бориса. Их было уже двадцать. Ровные корешки бархатных обложек занимали целую полку в шкафу. И потом их показывали гостям, те восхищались, но с каждым годом все мень-

ше.

Аня помнила практически каждую годовщину, ознаменованную походом к фотографу. Иногда все было идеально. Но не всегда. Поругались с мужем, болит зуб, сын не сдал экзамены, мама плохо себя чувствует – а ты все равно стоишь и мило улыбаешься, проклиная все на свете. Для мужа эти фотографии были почему-то важны. Они, создавая иллюзию счастья, заставляли его поверить, что все действительно прекрасно...

...Борис выскочил из комнаты и быстро прошел на кухню. Аня только что допекла последний блинчик, поставила на стол пиалы с вареньем и уже наливала чай, чтобы пригласить всех ужинать.

– Анька! Представляешь, наш Петр Аркадьевич в больнице! Он не сможет нас сфотографировать! Ужас!

Аня замерла, поставив чайник обратно на плиту.

– Как жалко... Ну, выздоровеет, тогда мы к нему запишемся, да?

– Нет! Что ты! Ты знаешь, как я отношусь ко дню нашей свадьбы. Надо сделать фото! Петр Аркадьевич дал мне телефон своего знакомого, завтра позвоню, договорюсь. Все будет хорошо, ты не волнуйся!

Аня и не волновалась. Ну, разве что за здоровье Петра Аркадьевича. С ним она почти сроднилась за эти двадцать фотосессий. Он знал их семью гораздо лучше, чем многие из друзей. Так уж получилось, что этот пожилой, похожий на

добротого деда Мороза мужчина сделал их первую совместную фотографию. Да так и остался с этой парой, видел, как меняются супруги, искренне радовался рождению их детей, подмигивал Ане, когда видел, что ее день не задался, но «нужно держать марку» для хорошего кадра...

На следующее утро Боря уже звонил новому фотографу.

– Здравствуйте! Да, от Петра Аркадьевича. Что? Да, годовщина свадьбы. На 24-е можно записаться?

Человек из телефонной трубки что-то спокойно ответил ему.

– Что? Прийти заранее? Ладно. Какие списки подготовить?

Боря еще долго что-то выяснял, отмечал в своем блокноте, а потом вежливо попрощался и выключил телефон.

– Ну? Что он сказал? Как, кстати, его зовут?

– Виталий, его зовут Виталий Андреевич. Ань, он странный какой-то.

– Почему?

– Сказал, что нужно заранее прийти к нему и взять с собой списки, каждый свой.

– Списки? Какие? – Аня оживилась. Это было что-то новенькое, необычное, интригующе-свежее.

– Он просил нас составить список мест, где нам хорошо, памятных для нас мест, как я понял. Но только сказал, чтобы не советовались друг с другом. Чудно как-то! Ты не находишь?

– Ну это же интересно. Попробуем! Вот только для чего ему это? – женщина уже мысленно путешествовала по карте своей жизни, вспоминая дорогие сердцу места. Некоторые из них даже не были указаны на карте, настолько малы и невзрачны они были для окружающих. Но это были «ее» места, магическим образом запавшие в душу, поселившиеся в уголке памяти и оттуда заливавшие Анино сердце солнечным теплом, уютом и тихим счастьем.

Боря что-то писал, зачеркивал, мял бумагу. Задание нового фотографа оказалось не таким простым, как мужчина думал сначала.

...Виталий Андреевич сам открыл перед гостями дверь. Его фотостудия размещалась в одном из небольших, старинных домов в центре города. Отреставрированный фасад здания, пластиковые окна, камеры видеонаблюдения с трудом уживались здесь со скульптурами на крыше, подъездными дорожками по обоим сторонам крыльца и красивыми, старинными колоннами. Но жизнь движется вперед, поглощая в себя прошлое, обрастая настоящим и готовя место для будущего...

Фотограф провел гостей в удивительно уютную гостиную и пригласил присесть в кресла. Сквозь легкие шторы в комнату проникал солнечный свет, разбрызгиваясь тысячами искр на хрустальных вазах и стеклянных люстрах. Немного пахло домашним хлебом и ванилью.

– Как здесь уютно, – подумала Аня и посмотрела на Бору.

Боря, нервничая и желая поскорее изложить свои требования фотографу, ждал, пока тот усядется на свое место.

Но Виталий Андреевич не спешил. Он разлил всем в маленькие фарфоровые чашечки ароматный, густой шоколад, поставил на стол большое блюдо с пузатенькими, румяными пирогами и только тогда уселся в кресло.

– Извините, питаю слабость к вкусной еде. Это у меня от бабушки, – смущенно пояснил он, видя нетерпеливый взгляд Бориса. – А теперь я хотел бы почитать ваши рукописи. Список мест, дорогих для вас.

Супруги протянули ему одинаковые листы бумаги, сложенные пополам.

Фотограф аккуратно надел очки и развернул записки. Медленно прочел сначала одну, потом другую. А потом поднял глаза и внимательно, изучающе посмотрел на своих гостей.

– Ну, что ж, – после долгой паузы сказал он. – Я буду работать с вами. Для начала пройдемте в студию. Вы посмотрите декорации. О да! Не удивляйтесь, у нас все как в театре. Найдется кое-что и для вас!

– Но вы не выслушали! У меня есть конкретные предложения! – попытался возразить Борис, но Виталий Андреевич поднял руку, требуя тишины.

– Не перебивайте! Иначе ничего не получится. Взгляните на то, что есть, а потом обсудим.

Он провел их по широкому коридору вдоль огромных,

струящихся нежным светом окон, прикрытых шторами. Аня готова была поклясться, что за окнами она видела чудесный сад с клумбами и фонтаном. Но это было невозможно, ведь окна выходили на оживленную улицу с автомобильной дорогой...

Открыв двустворчатую деревянную дверь, фотограф пропустил гостей вперед.

– Заходите, осмотритесь. А я скоро вернусь, тогда и поговорим.

И исчез в каком-то коридорчике справа.

– Странный мужчина, ты не находишь? – Боря пожал плечами. – Аня, что ты молчишь?

Но жена его не слышала. Она во все глаза рассматривала убранство огромной, с высоченными потолками комнаты.

– Боря! Здесь же как в каком-то театре или на съемочной площадке! Посмотри!

Боря наконец шагнул в комнату. Тут свет погас, что-то зашумело, заскрежетало, задвигалось вокруг них.

Когда вновь стало светло, Аня с удивлением отметила, что стены комнаты исчезли, раздвинулись, сгнули где-то в покосившихся постройках большой пригородной станции. Рельсы, звенящие, вопросительно изгибающиеся вдалеке, отражающие в себе синеву неба и от того кажущиеся выкрашенными в голубовато-ультрамариновую краску, тонкими нитями разрезали землю.

Картинка была такой знакомой и реалистичной, что захва-

тивало дух. Когда-то все это уже было в жизни Ани. Только много лет назад.

Память радостно встрепенулась, оживляя призраки прошлого. Они, как испуганные птицы, разлетелись в стороны и усьелись на проводах, переговариваясь между собой.

Аня и Боря, еще совсем юные, восторженные и легкомысленные, стояли на перроне и ждали поезд. Рядом, прямо на мокром после ночного дождя асфальте, лежали их рюкзаки. Молодые люди, только недавно поженившиеся, взяли лишь самое необходимое и отправились в свое маленькое свадебное путешествие. Денег на шикарную свадьбу и заграничные поездки не было, зато палатка, спальные мешки, котелок и другие принадлежности кочующих студентов были тут как тут. Боря, сняв кепку и бросив ее на скамейку, поднес к глазам старенький фотоаппарат. Аня корчила рожицы, подставляя лицо ветру, вертелась и улыбалась. Ах! Как была прекрасна эта чистая, простая девичья улыбка. Искренняя и задорная, она заставляла прохожих замереть, не в силах отвезти взгляд от девушки...

– Боря? Что это? Это же как тогда, помнишь? – услышал Борис голос жены и почувствовал, как она схватила его за руку.

Тут в воздухе что-то мигнуло ярким, серебристо-белым светом, подобно вспышке фотоаппарата. Супруги моргнули, прогоняя навязчивые блики света.

А потом они обнаружили себя сидящими в вагоне, обняв-

шись, не думающими ни о чем. Какая-то старушка, занимавшая место напротив, невольно залюбовалась молодой парой, вздохнула и угостила ребят большими красно-желтыми яблоками из своей корзины.

Аня сразу вспомнила вкус этих яблок. Медово-карамельная мякоть с красновато-розовыми прожилками приятно хрустела во рту. Вкус лета, воспоминания о бабушкином варенье, а еще о том, как потом аромат этих плодов долго хранили губы мужа – все всплыло в памяти так ярко, что Аня вдруг повернулась и поцеловала Бориса. Муж, остолбеневший, удивленно-растерянный, ответил на ее поцелуй. И тут вагон снова озарился яркой, ослепительной вспышкой.

– Анька, что это? – прошептал Борис. – Что происходит?

И это «Анька» – простое, грубоватое обращение откуда-то издалека, из их давних лет начала супружеской жизни, звучащее тем не менее из уст Бори совсем не обидно, и эти вдруг вспыхнувшие молодым блеском его глаза – все заставляло сердце радостно подпрыгивать, сбивало дыхание и порождало дикую, беспричинную радость.

Это состояние передалось и Боре. Исчезла строгость, плечи расслабились, лицо, до этого сосредоточенно-серьезное, со следами усталости от прожитых лет, сразу помолодело, глаза с веселой хитринкой смотрели на мир.

– Боря, это ты все задумал, да? Это сюрприз на годовщину? Как это так здесь все сделали? Это же как в кино! – схватив его за руку, Аня волокла его из дверей электрички, а он

тащил их рюкзаки.

Снова вспышка. Они уже у озера. Палатка, как тогда, стоит под старой березой. Костер, треща сухими ветками, греет котелок с водой.

Супруги переглянулись. Они как будто проживали свою жизнь заново, самую счастливую и незабываемую ее часть.

Вот Аня держит в руках маленькую кувшинку. Цветок, нежно-белый, с голубоватыми прожилками, – это как будто сама Аня во всей своей Богом сотворенной красоте. Боря тогда сфотографировал жену. Вот только где теперь те фотографии, сказать трудно... А ведь молодой человек любил фотографировать. Сейчас, через много лет, он вдруг так отчетливо захотел взять в руки свой старенький «Люмикс», проданный потом кому-то, уехать вместе с женой и детьми подальше от серого, душного города и...

– Эх! – Боря замотал головой, пытаясь отогнать воспоминания. Но они не сдавались, захлестывали его волнами, засыпали брызгами, окутывали туманом и пронизывали лучами солнца. Он должен вспомнить, почувствовать вновь, начать жить, скинув праздную оболочку жизни «напоказ»...

Вспышка, и вот они уже сидят у костра. Вечерние сумерки тихо, не спеша, давая возможность насладиться всеми своими переливами и каскадами бурого, красного, оранжево-золотистого и розового, накрывали землю, баюкая шелестом листвы. Глядя на небо, можно было представить себе, словно это огромный холст, на который, нежно прикасаясь к ма-

терии пальцами, художник кладет мазок за мазком. Оттенки смешиваются, плавно перетекают один в другой, стирая границу между реальностью и фантазией и заставляя зрителя почувствовать себя вне времени и пространства.

Аня тогда сделала несколько снимков мужа на фоне заката. Потом, быстро нажав кнопку отсрочки старта, она поставила фотоаппарат на ствол дерева и подбежала к Боре. Тот поцелуй, что запечатлела камера, был таким сладким, что, казалось, он не закончится никогда...

Вспышки, словно от надвигающейся грозы, сыпались на супругов, бродящих по сцене своих воспоминаний.

А потом сказка разом оборвалась. Ярko вспыхнули проекторы, стены вновь обступили мужчину и женщину, потолок надвинулся еще ниже, заслонив, украв начинающее блистать звездами небо.

Виталий Андреевич стоял чуть в стороне, следя за своими гостями. У него в руках был большой белый конверт.

– Извините, но ко мне скоро должны прийти новые посетители, – виновато сказал он.

Аня и Боря, моргая и щурясь от яркого света, растерянно кивали.

– У меня для вас есть кое-что, – с этими словами фотограф протянул гостям конверт. – Не спешите, вернитесь домой, там и откроете мой подарок!..

– Ну, как? Получилось? – услышал Виталий Андреевич в

трубке голос своего друга. – Приходили Анечка и Боря? Я так переживаю за них...

– Петь, все хорошо! Приходили.

– А как у них с общими воспоминаниями?

– Плохо, откровенно говоря. Из всего списка им обоим вместе хорошо было только там, на озере, представляешь? Трудно мне было, конечно, это все вернуть, столько лет ведь прошло, да и их память настолько глубоко спрятала те воспоминания, что пришлось очень сильно постараться...

– Да, они женаты который год, а все дальше и дальше друг от друга! Я это чувствовал... Значит, не ошибся... Их фотографии стали такими скучными, безликими, словно кукольными. Боря все пытался доказать, что их семья счастлива, но делал это не тем способом... Я напечатал им тысячи фотографий, но ни на одной они не были собой... Как будто я невольно обманывал их...

– Ну, я думаю, теперь все будет по-другому, – Виталий довольнo кивнул невидимому собеседнику. – Их фотографии очаровательны! Я тебе потом покажу. Такие счастливые лица, и ни грамма постановки...

Петр Андреевич улыбнулся. Он знал, что Виталик хорошо справится со своей работой. Не раз он спасал пары от уныния, погружая в счастливые минуты прожитой жизни, даря им глоток свежего воздуха. Необъятная, бережная память хранит в себе тысячи драгоценных минут, вспомнив которые, можно ощутить себя по-настоящему живым и счастли-

ВЫМ.

Была ли в этом доля магии, Петр Андреевич не знал. Да и не стоило. Пусть это останется тайной.

...Вечером Борис открыл конверт. Внутри были фотографии. Те самые, потерянные много лет назад, и в то же время на них были Аня и Боря из настоящего. Немолоды, чуть-чуть устали от груза каждодневных забот, но их глаза все же светились внутренним светом счастья, разделенного на двоих.

– Боря, а ведь нам завтра фотографироваться идти, – тихо сказала Аня, рассматривая снимки.

Боря помолчал. Внутри шла борьба. Традиция, альбомы, восторженные слова друзей, очередной корешок на полке...

– Нет, Ань. Давай-ка возьмем мальчишек и поедем туда, на озеро! Не нужен нам фотограф. Мы попробуем сами...

Скоро в коллекции этой семьи появился новый альбом, полный живых, трепетных воспоминаний, дышащий искренними чувствами. Его они будут пересматривать снова и снова, потому что эти фотографии сделаны самой любовью...

Поезд в детство

Автор рассказа Саша Паулан

Лиля зашла в купе поезда и с облегчением вздохнула: кажется, поедет без соседей. За окном настоящая пушкинская золотая осень, солнце и яркие краски. На душе – грусть. Командировка. Да не куда-нибудь! В город, который когда-то

был родным. А это значит, что она снова пройдет по серым улицам N. «И зачем я надела белые кроссовки, если там точно будет дождь?» Возможно, еще увидит старых знакомых, которым придется мило улыбаться и рассказывать о жизни. Она так тщательно прогоняла мысли о городе, и, кажется, это получилось, но... Сколько же она там не была? По ощущениям, прошло миллион лет. По календарю – всего десять. В городе ее даже никто не ждет. Близких не осталось. Поэтому от жалости к себе Лиля укуталась в плед и попыталась заплакать.

– Еле успела! – в купе ворвалась бабушка с большой дорожной сумкой и пакетом. – И как вы живете в этой Москве? Полдня уходит на дорогу...

– Давайте я вам помогу, – Лилия взяла у бабушки сумку и поставила ее под полку.

– Вот спасибо, дочка! Меня, кстати, Еленой Михалной зовут.

– А я Лилия, – девушка улыбнулась и села на свое место.

– Ты с Москвы? – спросила Елена Михайловна и достала из пакета кулек с жареными пирожками. По купе сразу разлился невероятный аромат уюта и вкусной выпечки. В купе запахло домом.

– Да, – кивнула Лилия, которая уже давно считала себя москвичкой. – Но родилась в N.

– Так значит, мы с тобой соседки! – Елена Михайловна хлопнула в ладоши. – Где ты жила?

– На Твардовского, – Лиля с трудом выговорила название улицы и сморщила нос.

– Ты не любишь N? – вдруг спросила бабушка, подвинув Лиле пирожки.

– Честно? Не люблю! – призналась Лиля и себе, и бабушке.

– Все, поехали, – Елена Михайловна с грустью посмотрела в окно.

За окном замелькали деревья, раскрашенные в желтый, красный, зеленый цвета. Солнце ласковыми лучами пыталось зацепиться за них и продлить ощущение лета и радости. Стаканы с чаем в ритм поезда отстукивали об алюминиевые подстаканники мелодию путешествия.

– Неужели ничего хорошего не было в N? – нарушила молчание Елена Михайловна.

Лиля на секунду закрыла глаза, задумавшись.

– Наверное... У бабушки был прекрасный сад. И еще куст крыжовника. Ветки были такие колючие... А ягоды очень сладкие. Больше никогда таких не ела.

– А еще?

– Еще? Еще у меня было мое дерево – каштан. Я любила забираться на него и прятаться в листве.

– Это уже много, – улыбнулась Елена Михайловна. – А друзья?

– Друзья тоже были, – Лиля опять закрыла глаза, с грустью хмыкнув. – Каждый вечер мы во дворе собирались и играли

в игры. Ну, знаете, прятки, салочки...

– Значит, у тебя было счастливое детство! Почему же ты не любишь город?

– Потому что меня там больше никто не ждет, – сказала Лиля, сдерживая слезы. – Он мрачный и серый.

– Как никто? Тебя ждет город. Разреши себе окунуться в воспоминания и, может быть, ты увидишь, что не такой уж N и страшный...

Лилия не смогла найти, что ответить Елене Михайловне. Может, нужно было выговориться и все рассказать? «Говорят же про такой синдром вагонного попутчика. Вдруг легче стало бы?» Конечно же, ничего страшного в детстве и юности Лили не происходило... Просто ей было тесно в городе. Она со своими амбициями перестала помещаться в нем еще в десятом классе. Лилия точно решила, что будет успешной и влиятельной. А в N даже неясно, что ее ждало бы. Какой забавный случай... Она стала успешной и едет в чужой город, который когда-то был родным.

Разговор с Еленой Михайловной откинул Лилию на несколько лет назад. И вот она вместе со своим дедушкой едет на рыбалку! Ее даже не пришлось долго будить, хоть и было пять часов утра. Быстро перекусив, Лилия с дедушкой пошли к Прозрачному озеру (у него есть и официальное название, но все местные называют его Прозрачным из-за чистой воды). На озере дедушка надул лодку, заставил Лилию надеть синие резиновые сапоги и посильнее натянуть

тонкую шапку на непослушные волосы.

Поплыли... Тишину нарушало стрекотание сверчков, редкое пение птиц и плеск воды от весел. Природа спала. А Лилия как замороженная смотрела на дедушку. Как спокойно он посадил наживку на крючок, аккуратно забросил свою удочку, помог Лиле справиться с ее маленькой удочкой и стал ждать. Через некоторое время поплавок у Лилии наконец дернулся. Чудо! Ей первой попалась рыба! Дедушка улыбнулся и аккуратно снял маленькую рыбку с крючка.

– Давай ее отпустим? – предложил дедушка. – Она еще маленькая, пусть подрастет.

Лилию не нужно было долго уговаривать, ей стало невыносимо жалко такую красивую рыбку.

– Деда, давай вообще не будем ловить рыбу? – спросила девочка.

– Давай, – с легкостью согласился дедушка. Слишком маленькой и доброй была внучка для рыбалки.

Чтобы Лилия запомнила этот день, дедушка покатал ее по озеру, а потом устроил настоящий пикник на берегу. С бутербродами, яблоками и вкусными помидорками, которые бережно собрала им с собой бабушка.

«Разве это не делает город прекрасным?»

А еще Лилия вспомнила, как они с мамой ходили в лес собирать листья, чтобы сделать поделки в детский сад. Такие они красивые! Клен, дуб, береза. И у всех разная форма. За прогулку они насобирали желудей, шишек, палочек и ли-

стве. Уже дома, под теплым светом лампы и с чаем с малиновым вареньем, Лиля с мамой из желудей сделала человечков, из шишек – двух красивых оленей (одного они отнесли в садик, а второго Лиля подарила папе), а на оранжевом листе бумаги мама нарисовала большого ежика, которого они украсили сухими листьями. Да, оказывается, Н не всегда был серым и хмурым. Когда-то он был очень добрым, солнечным и с запахом можжевельника и меда...

Под мерный стук колес Лиля не заметила, как уснула. И приснилась ей маленькая девочка со сбившимся бантиком в волосах и в подранном платье. Счастливая улыбающаяся девочка, которая играла с друзьями в «Казаки-разбойники». Лиля и забыла, что когда-то она была такой...

– Солнышко, просыпайся, мы приехали! – Елена Михайловна ласково коснулась руки девушки.

Лиля выглянула в окно и удивилась... Город встретил ее ярким солнцем. Н соскучился по той беззаботной девчонке. И это оказалось взаимно.

Пикник с воспоминаниями

Автор рассказа Саша Паулан

– Все, быстро запрыгиваем в машину! И без драк! – Денис открыл дверь и помог сесть в машину своему сыну и племяннице.

– Он первый начал! – обиженно закричала рыжая девочка,

копия своей мамы.

– Неважно, кто начал, Ален. Вы оба хороши, – обессиленно сказала Лиза. – Поймите, вы брат и сестра! Вам нельзя постоянно кричать друг на друга и драться.

– Теть Лиз, ну как не драться? – пожал плечами Гоша, и за это Алена дернула его за волосы.

– Мы, рыжие, должны держаться вместе, – засмеялся Денис. – Но если вы будете устраивать побоища, то я разверну машину и в лагерь вы не попадете.

– Не очень-то и хотелось, – насупилась Алена.

Денис с Лизой переглянулись и незаметно улыбнулись друг другу. Много лет назад они тоже постоянно дрались и вредничали. Намучались же с ними родители. Но все изменил один прекрасный момент – поездка в лагерь! На целый месяц! Месяц без родителей, с незнакомыми людьми и кучей правил. Он оказался самым прекрасным летним месяцем за все школьное время. Нет, конечно, они и потом ездили в лагерь и санатории, на курорты с родителями и на все лето на дачу. Но именно в первом летнем лагере они стали настоящими братом и сестрой, которые стоят друг за друга горой.

– Но по дороге мы с вами заедем на пикник, – радостно сказала Лиза.

– Ма-а-ам... – протянула Алена. – Какой еще пикник?

– Обычный, – весело сказал Денис.

– Мне опять ничего вкусного не достанется, – Гоша сделал грустное лицо.

– Всем все достанется, – поспешила успокоить Лиза, успев перехватить руку дочери, которая хотела опять дернуть Гошу за волосы. – А сейчас вы можете спокойно посидеть и не отвлекать от дороги?

Дети насупили свои маленькие носы и отвернулись к окнам. Но разве можно долго злиться, когда вы проезжаете такую природную красоту? Зеленые поля, на которых пасутся коровы и лошади; леса, где точно бродят медведи, лисы и волки; озера, на которых так красиво блестит солнце.

– Мам, а мы сходим в лес? – спросила Алена.

– Обязательно! – улыбнулась Лиза.

– А ее там медведь не съест? – с надеждой спросил Гоша и сразу получил от Алены кулаком по ноге.

– Не съест! Ты же защищать ее будешь, – засмеялся Денис.

– Дождешься от него, – Алена снова насупилась и отвернулась к окну.

– Ну, если она драться не будет...

Лиза снова посмотрела на Дениса. Как же дети похожи на них самих в их возрасте. Пусть они и двоюродные, но ведут себя точно так же. Денис, как и его сын, был невысокого роста и не всегда мог постоять за себя. Лиза, на год старше и на голову выше, часто задирала брата.

– Вот и наша первая остановка, – сказал Денис и остановил машину недалеко от высокого дуба, который в одиночестве стоял на огромной поляне.

– Это наше любимое дерево, – пояснила Лиза. – Родители

часто нас сюда привозили на пикники.

Выгрузившись из машины, все четверо пошли к дереву. В тени, под раскидистыми ветками, было прохладно, поэтому Лиза быстро расстелила плед, а Денис помог разложить продукты.

– Парадокс этого места, что тут всегда тихо, хоть и дорога рядом, – сказал Денис, нарезаая арбуз. Дети прислушались... Действительно, редко проезжающие машины были не слышны. Лишь легкий шум летнего ветерка и щебет пролетающих птиц.

– Мам, а как там было, у вас в лагере? – спросила Алена, откусывая прохладную мякоть арбуза.

– Было хорошо! – ответила Лиза, и вместе с Денисом они погрузились в светлые воспоминания.

Чего только не произошло за тот месяц в летнем лагере «Море» у Лизы с Денисом! Лиза сразу поняла, что ей придется защищать младшего брата. Чем не повод для обзывательств рыжий цвет волос? Но Лиза с рогаткой быстро показала, что младшего брата лучше не задирать!

А еще там была широкая спокойная речка. Вожатые собирали свои непослушные отряды и каждое утро перед завтраком ходили делать зарядку и плавать в теплой воде. И какие вкусные были завтраки! Омлеты, каши, компоты, свежие яблоки и груши!

Днем все дети играли, лепили из пластилина, рисовали и иногда выпиливали из дерева игрушки. А вечерами... Вече-

ра были волшебные. Самый взрослый вожатый разводил костер и начинал играть на гитаре. На небе светили яркие звезды, костер потрескивал, и вожатый ровным красивым голосом пел песни о природе, волшебниках, космосе и, конечно же, любви... Кажется, Лиза впервые и влюбилась в лагере. Это был белобрысый мальчишка, который так же, как и она, любил животных, плавать и стрелять из рогатки.

Но главное, что там появились друзья! С некоторыми Лиза и Денис все еще дружат. С другими ребятами они какое-то время обменивались письмами. И это тоже было интересно!

В летнем лагере «Море» была совсем другая жизнь. Не городская. Без уроков и контрольных работ, беззаботная, но с правилами. Где самое главное правило для детей – наслаждаться летом!

Солнечная, добрая и по-детски наивная...

– А почему же лагерь называется «Море»? – удивленно спросил Гоша. – Там же только речка.

Лиза засмеялась:

– Там целое море эмоций!

Уже в машине Алена на ушко сказала Гоше:

– Если кто-то тебя будет обижать, скажи мне... Я им покажу «море эмоций»!

Деревня Захарово

Автор рассказа Елена Шаламонова

Автобус свернул с шоссе на грунтовую сельскую дорогу. До тупиковой деревни Захарово оставалось ехать около трех километров. В автобусе ехали только два пассажира: Галина и ее подруга Татьяна. Все остальные вышли раньше, у своих деревень.

– Ну вот и наше Захарово скоро, – вздохнула Галина, – помнится: сколько же я тут своих каникул провела... Да, считай все школьные, а потом и студенческие, когда тетка жива была. Хорошо у нас тут было! Весело!

– Так это когда было? При царе Горохе. Теперь все отдыхать к морю едут, – сказала Таня. – Вот и мы с тобой, как продашь ты теткин дом, будем ездить каждое лето к морю, наслаждаться... Море – это тебе не речка Вонючка...

– Почему это Вонючка? – обиделась Галина, – наша река очень даже чистая. И рыба водится. И дно – песочек золотой, неглубокая, зато теплая.

– Да все равно с морем не сравнить, – не уступала Татьяна, – море – там курорт, а тут как была деревня, так и осталась.

– Если бы осталась, как была, а то все разъехались... – с сожалением произнесла Галина, – старики поумирали, вот и моя Алла Петровна тоже. А молодым не надо ничего. Ни

бора соснового, ни яблок из своего сада, ни ягод, ни птичьего пения, ни свежего воздуха...

– Опять ты за свое. Считай, дом продала. И задаток взяла, так что хватит тебе ныть по прошлому. Его не вернешь. И зачем тебе этот дом? Ты что, одна тут жить собираешься, когда у тебя хорошая квартира в городе? – спросила Таня.

– Ну, деревня тут пока жилая... Многие по одному живут, – начала было Галина, – а мне через год на пенсию.

– Вот именно: пока жилая. А тебе свою жизнь не в отшельниках надо доживать, а на всю катушку: к морям ездить, может, и мужа найдешь. Поживи для себя. Дети выросли, устроены, – не успокаивалась Таня.

– Это да, конечно. Дочки замужем. У них все хорошо. А мне можно и одной пожить. Какое замужество в мои-то годы? – засмеялась Галина. – Ты сама одна сколько лет...

– Я старше тебя на пять лет, не сравнивай. И к тому же была замужем три раза. Четвертого мужа я не вынесу. И речь не обо мне. А ты у нас красавица и умница, характер покладистый. Тебе еще можно рискнуть, – Таня подмигнула Галине и стала смотреть в окошко.

Автобус подъезжал к деревне. Женщины подхватили свои сумки и вышли, как только водитель открыл двери.

В доме пахло сыростью. Но все также приветливо белели занавески на окошках, подзоры на кровати и кружева на иконах.

– Ах, как же тут хорошо... Надо печку протопить, а то

спать будет неудобно, – сказала Галина.

– Ага, а я обедом займусь, – кивнула Таня и начала разгружать сумку с провизией.

– Надо на обед соседок позвать, готовь на всех. Ивановну и Семена Ильича, а еще Нину, – сказала Галина.

– Вот и уговорят они тебя тут остаться. Вечно у вас на эту тему душевные беседы. Может, не стоит?

– Нет, обязательно надо. Отходную. И бутылочку мы же взяли по этому поводу.

– Ну раз отходную, тогда ладно, – Таня, подхватив ведро, пошла за водой.

Галина затопила печь. Сначала неуверенно, а потом весело затрещали щепки, согревая и воспламеняя поленья. В доме сразу стало теплее от потрескивания дров, от скрипа половиц под ногами, от весеннего слабого и свежего ветерка, врывающегося в маленькую форточку.

Галя выдвинула ящик комода. Этот визит в деревню был последним. Ей хотелось забрать некоторые вещи тетки на память. Она в очередной раз заметила, какой порядок был повсюду у Аллы Петровны. Аккуратно сложенные в ящике комода полотенца, постельное белье и салфетки будто только вчера были тщательно выглажены и уложены в стопочки.

Галя вздохнула и глянула на фотографию тетки, висящую на стене. Та будто бы чуть улыбалась. Гале стало не по себе. Она чувствовала себя предательницей, продавая дом и сбегающая с деньгами «на моря».

Открыв второй ящик, Галя увидела белье. Некоторые ночные рубашки и кофточки были куплены впрок, лежали еще с этикетками. Она провела рукой по уложенному белью и вдруг почувствовала под ним что-то твердое. На дне ящика лежала деревянная шкатулка. Галя вытащила ее и открыла. В ней лежали, связанные атласной ленточкой, письма.

Сев на диван, она развязала ленточку и, посмотрев на стопку писем, вздрогнула. Это были ее письма. Галя вспомнила, что в детстве она часто писала тетушке. Тогда не было мобильных телефонов, по стационарным-то и то сложно было дозвониться, поэтому все писали письма, открытки к праздникам.

То, что тетка хранила всю Галину корреспонденцию, для нее стало открытием. Она не удержалась и начала читать.

– Ты что там притихла? – спросила ее Татьяна, хозяйничая у плиты.

– Да, тут... разбираю тетины вещи, так, немного... – откликнулась Галя, едва сдерживая волнение. Она читала свое детское письмо тетке, написанное из пионерского лагеря.

В письме она жаловалась на строгий порядок в отряде, скуку и тоску по деревне.

– Смотри, мое детское письмо тетушке, – сказала она подошедшей Тане, – все-то она сохранила... я теперь вспомнила. Тот единственный раз, когда я ездила в лагерь. И после – только сюда, в Захарово. Ни за что не соглашалась ездить в лагерь.

Таня вздохнула, покачала головой и поторопилась на кухню. А Галина не могла оторваться от писем. Она сквозь слезы читала и читала свои послания тетушке, где жаловалась на долгую зиму, на то, что тянется невыносимо учебный год, и обещала с первых дней каникул приехать в любимое Захарово.

У тетки не было детей, Галя была ее любимицей. Галя помнила, как тетушка всегда говорила о наследовании дома, просила Галю поддерживать хозяйство в порядке и молить о спасении ее, тетушкиной, души.

Сейчас эти просьбы Аллы Петровны всплыли в сознании четко, будто бы только что были по-настоящему услышаны.

Галина сидела на диване, складывая письма снова в стопочку, вытирая слезы и вздыхая. Таня подошла и села рядом.

– Ну, что ты, расклеилась совсем? Не надо больше сюда приезжать. Только память ворошишь. Все проходит. И время меняется, и жизнь наша летит вперед, – Таня гладила подругу по спине.

– Давай я тебе помогу с обедом, – сказала Галя и, положив в комод письма, стала надевать фартук тетки.

– Так ты хотела вещи смотреть, я и сама управлюсь, – ответила Татьяна.

– Тогда я пойду приглашать соседей, а потом приду полы помою. Пыльно.

Обойдя соседей, Галина вернулась улыбчивая и спокойная. В глазах ее светился радостный огонек.

– Ну вот. Успокоилась? Все хорошо? – спросила Таня, оглянувшись на Галину.

– Да, все хорошо. Как тут, в Захарово, может быть иначе? – засмеялась Галина.

Таня с удивлением посмотрела на подругу.

– Во сколько за стол сядем? Через час у меня все готово будет.

– Отлично, вот сразу и сядем. Пообедаем, посидим немного. А потом за дела, дел невпроворот, – улыбнулась Галина.

– Каких дел? – спросила Таня и села на стул, бросив полотенце на колени, – ты что, оставаться тут все-таки надумала?

Галина не ответила, а только широко улыбнулась и кивнула. Ее счастливая улыбка все сказала.

Таня молча смотрела, как Галина моет пол в комнате, аккуратно отодвигая стулья, заботливо ставя их потом на место.

Некоторое время женщины молчали.

– А как же задаток? Деньги еще не успела потратить? Половину суммы ведь отдали, – спросила Таня.

– Нет, ни копейки не потратила. На что мне эти деньги! Не велики они. Я же до последнего сомневалась. Жалко было так, аж сердце щемило.

– А теперь уже не щемит? – спросила Таня.

– Отпустило...

Подруги засмеялись в голос. Они сели на диван и обнялись.

– Вот непредсказуемая ты, как ветер, Галька. За что тебя и люблю, – сказала Таня, вытирая слезу. – Ну, раз деревня, значит, деревня. Будем в речке купаться. Ладно. Уговорила...

– Ага, я тебя и рыбачить научу. Дед Семен говорит, щука еще ловится.

– Ну, раз дед Семен говорит... – Таня засмеялась. – Ладно, пора на стол накрывать, придет дед Семен-то?

– А то. Все придут. И с соленьями своими. Так что разговор интересный будет, – сказала Галина.

– О чем это? – поинтересовалась Таня.

– Тебя будем уговаривать сюда переехать. Тут домик рядом с Семеном продается, совсем недорого. А? – Галя захотала, а потом добавила:

– Я серьезно вообще-то. Нельзя упускать такой классный дом. Да еще и сторож под боком.

– Не искушай... – развеселилась Таня, – а сколько там годов деду-то?

В доме звенел смех, когда гости начали собираться. Обед с разговорами и песнями плавно перешел в ужин. Уже поздно соседи стали расходиться. Все были рады Галиному решению не продавать дом.

Когда подружки стали укладываться спать, Галя сказала:

– Ну, как тебе наш народ?

– Ох, отличные люди, право слово... – откликнулась сонная Таня.

– То-то... Ни в каком Сочи так тепло нам не будет. Ни у какого моря... Только тут, в Захарово, – как заклинание произнесла Галина, засыпая.

Свет луны серебрил дощатые полы комнаты, мерно тикали старые ходики в кухне, запущенные Галиной рукой. Казалось, они своим тихим шепотом с надеждой начали отсчитывать новое время для старого деревенского дома с фотографией тетушки на стене.

Согревающая природа

Дождь

Автор рассказа Любовь Курилюк

За окном шумит дождь. Барабанит костяшками своих пальцев по железным козырькам домов, забирается под воротники, пробегает широкой, уверенной волной по мостовым. Сегодня он полноправный хозяин, сегодня все – люди, животные, машины – сама жизнь в полной его власти.

Небо, затянутое плотными, как сгустки сметаны, облаками, ветер, рвущий костровые, ярко-оранжевые, пурпурно-желтые и зеленые с коричневыми прожилками листья, река, бешено бьющаяся в каменные, холодные берега и осыпая случайных прохожих снопом мерзлой, пахнувшей водорослями воды – все они за одно.

– Сидите дома! – кричат они. – Хоть раз побудьте вместе, без права высунуть нос наружу, почувствуйте другого, как самого себя, его тепло, услышите его голос!

– Нет! – устало вздыхает тонкая, растрепанная береза. – Я много раз видела, как они, эти странные люди, разбредаются по разным углам, прячутся в комнаты-норы, запирают двери и, отгородившись от того, кого считают своей семьей, живут, поглядывая на часы и погоду за окном. Живут и ждут, когда

можно будет звякнуть ключом в замке, набросить на плечи куртку и уйти, буркнув что-то на прощание.

– Это ты про кого? – липа, с почерневшим от воды, обломанным стволом, скрипнула, задев фонарный столб.

– А вон то окошко, с занавесками полосатыми.

Береза махнула в сторону. На асфальт посыпались сердечки ее семян. Дворник, в длинном дождевике и резиновых сапогах, хмуро посмотрел вверх, ругая деревья.

Липа обернулась и посмотрела туда, куда указала подруга.

Большое добротное окно, широкий подоконник, тяжелые, ниспадающие вниз красивыми, переливающимися складками шторы. Внутри, под высоким потолком, горит люстра. Нежные хрустальные подвески рассыпают по стенам лучистые отблески яркого белого света. Картины на стенах, фотографии в рамках.

– А кто там живет? Фото не разглядеть! – дерево прищурилось, наклонилось поближе, но злой ветер выгнул его обратно, нечего, мол, подглядывать!

– Помнишь, такой паренек ходил, все на гитаре во дворе песни пел? Колькой звали. Ну, ты должна помнить, чай, не девочка! – зашептала береза.

– Лысый? В кроссовках на босу ногу?

– Да, он. Только не лысый он, просто коротко стригся. Красивый был...

Береза мечтательно закачалась, заплетая свои тонкие ветви в причудливые узоры.

– А теперь-то что? – озадаченно спросила липа.

– Так женился он. Жена вся такая точеная, на машине у нас по двору мыкалась, место искала. Машину помнишь? Красная такая.

– Помню. В меня однажды врезалась. Ох, и шуму тогда было... До сих пор вон шрам на боку у меня! – липа гордо выставила левый бок, но тут же, охнув, выпрямилась. Жук-древоточец давно изгрыз ее нутро, того и гляди, повалится старая липа, погнет заборчики, закидает дорогу своими горошинками-семенами и сгинет где-то в печи или разлетится на опилки, пожираемая могучей железной машиной, что рвет деревья в клочья, выплевывая их останки. – И что? Я слышала, как один поэт читал стихи, он говорил, что любовь – это самое прекрасное, что бывает на земле. Так чего ж плохого, что поженились?

– Так он теперь не Колька, а Николай Трофимович. Уважаемый человек, между прочим! За ним каждое утро машина приезжает, длинная, чистая, как будто только из мойки, – сплетница-береза хитро прищурилась. Несколько листиков в быстром вальсе полетели вниз. – Он выходит из подъезда, кивает водителю, садится и отворачивается. А жена, я же все вижу, смотрит в окно. Все стоит и смотрит, провожает. Отодвинет, бывало, шторку, видно, что готова рукой махнуть, а он и глаз не поднимет. Некогда, видимо...

– Хватит тут сплетничать! – тополь, скинув уже все листья, ежась от ветра и проливного дождя, хлестнул березу

по белому стволу. — У людей душа сложная, многослойная. Это у нас ствол, ну, и всего дел-то с ним, что годовые кольца считать или, вон, стол какой сделать, дом построить. А душа — она тонкая, как шаль, что носит бабушка Поля из второй квартиры. Нитей много, хитрый рисунок создают они своим плетением. Здесь и узелки от обид, и вышитые звездочки радости, и залатанные, печальные островки беды, что осталась где-то далеко позади, но никогда уже не исчезнет воспоминание о ней из человеческой души. Много там и радости. В такие моменты ниточки становятся плотными, крепкими, не порвать их простыми мирскими страхами да чаяниями. Привыкает человек к своей душе, как будто и не замечает ее уже. Но вот приходит другая душа, у нее свой узор, свое плетение, новое, неизведанное, затейливое. Как узнать, как разобраться, что ей хорошо, а что нет, чем она радуется, а над чем рыдает, проливая горячие, быстрые слезы в самое сердце? Трудно! А люди все спешат, им некогда разглядывать паутинку чужой души, ведь для этого нужно остановиться, вздохнуть. Но куда там... У всех дела, минуты наполнены, как мешки, до отказа, до треска. Заботы, встречи, поручения. А вечером пройдут мимо нас с вами эти люди и даже не заметят, что мы есть. Ничего не заметят. И друг друга не помнят. От того и маются.

— А чего им маяться, Коленьке нашему с женой? Все ладно-складно, вон, какая квартира уютная, тепло, светло. Вот срубят меня, и стану когда-нибудь в такой квартирке жить.

Сделают из меня рамку, вставят в нее фотографию... – размечталась липа.

– Ты погоди, дай досказать! – прикрикнул тополь. – Вот и Николай ваш, важный, статный, а душа как была мальчишеская, так и осталась. Тесно ей в его строгом костюме, ждет она, когда возьмет хозяин в руки гитару, ударит по струнам и хрипло запоеет о девчонке, что живет в соседнем дворе... Ждет, да только не дождется. Нет той девчонки.

– А где ж она? – липа удивленно захлопала листьями-ресницами.

– Там же, где наш Колька. В прошлом. Они остались далеко, где юность звонко катит на своем велосипеде по ромашковым полям. Те, молодые Коля и Женька, смотрят в спины теням, зовут, но никак не дозовутся. А тени шагают впереди, чувствуют, что потеряли что-то, да уж некогда вернуться. Жизнь несет вперед...

– Жаль, – вздыхают собеседники, вздыхает уставший дворник, вздыхает ветер, продрогший от неугомонных струн дождя.

В соседнем дворе, подобрав старые корни, втянув хилую, потрепанную макушку, с треском падает ясень. Он грузно, тяжело, как уставший путник, прилег на дорогу, загородив проезд.

Водитель большой, красивой, чистой машины, шепотом выругавшись, начинает разворачиваться, но застревает во дворе, сзади гудят автомобили, сверху льет, не переставая,

безразличный, монотонный дождь.

– Ладно, Лень. Ты не спеши. Ты пока тут машину поставь, а я домой схожу.

– Но, Николай Трофимович, вы опоздаете! Встреча через полчаса, надо искать объезд! – водитель почувствовал, что сегодня его начальник какой-то не такой. Что-то новое, мальчишеское блеснуло в глазах, разгладились морщинки на лбу, распрямились плечи.

– Ищи, Ленька, ищи. Спокойно ищи, не торопись. Там, – Коля ткнул пальцем куда-то в сторону, – есть стоянка, ты там припаркуйся и иди домой.

– Как домой? Среда же сегодня, рабочий день!

– И в среду бывает выходной, Леонид! Пока!

Николай, приподняв воротник пальто, быстро вышел из машины и, не глядя под ноги, зашагал по тротуару. А потом, на глазах у удивленного Леньки, стал прыгать, рассыпая во-круг себя веер брызг.

Прохожие оборачивались, качали головами, приподнимали брови. И только дети, которых вели за руки в школу, довольно кивали, они-то знали толк в лужах...

– Подожди! Что это там? Кто-то бежит! Нет, не бежит, прыгает! – липа указала толстым, маячившим наверху сучком направо. – Вроде Колька наш бежит. Или нет?

– Точно, он! – тополь близоруко нахмурился. – Что-то стряслось...

– Да ничего не стряслось! – береза довольно раскачива-

лась из стороны в сторону. – Просто Коля наш вернулся. Тот, прежний Коля, что царапал на моей коре надпись с сердечком и пел под гитару, сидя на лавке у подъезда. Колька! – береза бросила семена-конфетти под ноги старому знакомому. Тот поднял глаза и кивнул...

...Потом, склонившись друг к другу, деревья смотрели, как жена удивленно встретила Николая в прихожей, как он что-то сумбурно рассказывал ей и размахивал руками, как она побежала куда-то и вернулась со свертком в руках.

Супруги сели на диван и развернули бумагу. Потускневший лак поймал на себе блики большой, красивой люстры, черный гриф вздрогнул от тепла знакомой руки, а струны натянулись, стараясь не фальшивить ни в одном звуке. Колька и Женька, что жила когда-то в соседнем дворе, улыбнулись друг другу. Николай ударил по струнам, довольно кивнул, мол, помнят руки нехитрую музыкальную науку, и запел, хрипловато, красиво, как когда-то в юности.

И разгладились, затянулись дыры в плетении душ, окрепли нити, запетляли кружевные узоры, соединяя два полотна в одно. Окрепла семья, заискрилась новыми надеждами, прогоняя тоску.

– Я и забыл, Женька, как я люблю тебя! – прошептал Коля, обнимая жену.

– Коль, а как же работа? У тебя же встреча...

– Да, с тобой!..

Береза благоразумно отвернулась, стоящий рядом клен

залился румянцем, а тополь, довольно хмыкнув, гордо выпрямился.

– Вот он, наш Колька! А говорили, нет его! – проскрипела ехидно липа...

...А Леонид, переставив машину, побежал к метро. Сегодня у его дочери был концерт. Первый, а потому самый важный. А папы всегда должны быть на таких концертах. И непременно с цветами...

Ягодка-калинка

Автор рассказа Любовь Курилюк

В городе прохладно, а уж в деревне – и подавно. Там студено, если из дома уехать надолго, остывает, в нем уже не пахнет свежим хлебом, кофе и мамиными духами, в нем темно, потому что ставни надежно защищают его нутро от редкого солнца. Все уже совсем по-осеннему, сам воздух, кажется, наполнен осенним духом – прелая трава, тонкий аромат яблок и груш, которые еще не успели упасть, закатиться в пожухлую листву и уснуть там до самой весны, сливы, сыплющие свои плоды, словно большие синие и желтые капли. Шиповник скуксился, пряча свои ягодки под оставшуюся листву. Вода в крепких деревянных кадках, стоящих на лавочке, подергивается с ночи тонким ледком...

Только калина дерзкой, бесшабашной девчонкой выставила свои ветви, наклонилась к самой дороге, показывая про-

хожим свои губки-ягодки. Яркие, красно-бордовые, гроздьями висящие на каждом кончике, они маленькими фонариками горят на фоне уставшей природы, протестуя людской тоске по ушедшему лету.

— Ну и пусть мороз! — кричит звонко калина. — Пусть холода, зато я стану еще слаще, еще желаннее! Вы соберете меня в свои лукошки и сварите варенье. А тетя Зина с соседнего участка наловчилась делать из меня мармелад! Ууу! Пальчики оближешь! А как хороша я в салатике! Пробовали? Нет? Пора-пора! Вот она, я, яркая, звонкая, осенняя ягодка! А вот еще детки идут, сейчас соберут меня в карманы, принесут домой и поделки сделают. Им в школе задали, я слышала, воробей нынче утром прилетал, все рассказал. Я и цветочком стану, и ушками диковинного зверька, и огоньком на вершинке свечки, что поставит маленькая Ниночка на торт для плюшевого зайца.

— Помолчи! — одергивает ее черная рябина тяжелыми, мрачновато-фиолетовыми бусинами висящая на наклоненных ветках. Черноплодка — девушка серьезная, смуглая, брови вразлет, карие глаза смотрят строго. Темные, овальные, с красновато-фиолетовыми прожилками-венками листья ровными рядками сидят на веточках. Нехотя рябина принаряжается к осеннему празднику. Лишь слегка позволяет шалунье-осени брызнуть на себя радужно-свежих, переливчато-звонких красок. — Ну ты и выскочка, калинка! Я-то лучше тебя, я полезная, лечебная. Вот, болит у бабы Нади голова,

откроет она баночку моего варенья, да с яблочком, да с сахарком, и не нужно никаких лекарств. А ты что? Один шум, да и только!

Обидится калина, отвернется, клонимая ветром куда-то на запад. А там, у самого горизонта, маячат тучи, синие, тяжелые, набухшие влагой.

Скоро побьет ливень ягодки, рассыплются они по мерзлой земле волшебными рубинами. Прилетит синичка: «Тиньк-тиньк, тиньк-тиньк», – и склюет калинкины украшения, все до единой ягодки съест.

– Сестричка, малинка моя! – крикнет калина. – Поговори со мной!

– Не могу, родная, спать очень хочется. Прощай до весны! – ответит малинка, ложась на землю и укрываясь снежными одеялами...

Только петрушка, как кучерявый мальчишка, все еще зеленеет на грядке, весело раскачиваясь и кивая перелетным птицам. Резкая, ароматная, с твердым стебельком и жесткими листиками, она стойко выглядывает из-под первого снега, не хочет сдаваться.

– Спи! Я сказала, спи! – шикает на петрушку матушка-осень. – Ишь, развеселилась!

Но кучерявая петрушка только смеется в ответ. Она ждет, ждет, когда хозяйка, взяв ножницы, аккуратно срежет ее листики-кудряшки и понесет на кухню. А там... Там уже томится под крышкой суп, булькает, вздымается картофельной

пенкой, разнося по дому аромат осеннего угощения. Кабачки, провалявшиеся на грядке и отлежавшие себе бока, помидорки, изо всех сил старавшиеся повернуться желтыми боками к солнышку и еще хоть чуточку подрумяниться, тыква, важная, пузатая, всем овощам царица, треснет своей тугой корочкой, разбрызгав желто-оранжевый, ароматный сок, корявенькая морковка, девица из темницы земляного короля – все встретились вновь, томясь в большой кастрюле. Будет суп, выпрыгнет из печки румяный хлебушек, ляжет на стол круглыми, ноздреватыми кругляшами, и будут они ждать.

Прибегут ребятишки из школы – и рослый Андрюшка, и маленькая Татка, и серьезная, строгая Наташа, и сорванец Николка – все сядут за большой круглый стол бабы Нади, и, пока родители на работе, расхватают хлебушек и будут наблюдать, как хозяйка осторожно, не пролив ни капли, разливает угощение по глубоким тарелкам.

– Ешьте, малыцы-удальцы! – будет приговаривать она, глядя каждого внука по голове теплой, чуть шершавой ладонью.

Потом, уставшая, сядет на скамеечку и поглядит в окно. А там, выглядывая из-за черных стволов яблонь, ей подмигнет последняя ягодка калины, что изо всех сил держалась за свою ножку, чтобы заглянуть в окошко бабушкиного домика последний разочек полюбоваться простым счастьем домашнего уюта.

Баба Надя помашет ягодке в ответ, кивнет в знак прощания.

– Бабушка! Кому ты машешь? – спросит ребяшня и подбежит, толкаясь, к окну.

– Да так, – улыбнется женщина. – Осень провожаю...

– Да нет! Ты деду машешь! Вон он, идет по дороге! Деда! Деда! А у меня сегодня пятерка, а я мышку в траве видел, а я... – кинутся дети на крыльцо, обступят старика и начнут наперебой делиться своей незатейливой жизнью.

Дед Виктор кивает, улыбается. Его птенчики все в сборе, их румяные щеки горят как ягодки той калинки, что недавно он видел на веточке.

Жизнь в окнах

Автор рассказа Мария Меншикова

Ноябрь – самый удивительный месяц. Именно в это время люди могут наблюдать настоящую схватку осени и зимы! Дожди и октябрьская хмарь сменяются снегопадами, после которых нередко наступают оттепели, а вокруг снова появляются грязь и лужи. В такую погоду хочется больше времени проводить дома. Там, где тепло и уютно. Где каждый предмет хорошо знаком, и есть уголочек, в котором так приятно посидеть с кружкой горячего чая, бездумно глядя в темноту за окном...

Надя возвращалась домой, как всегда, в половине восьмого вечера. Ее рабочий день заканчивался в шесть, но в последние две недели приходилось каждый день задерживать-

ся. И работать по субботам. Конечно, ей за эти переработки доплачивали, а деньги их семье были сейчас очень даже не лишними, но Надя чувствовала, что уже вымоталась. Да и осенью больше хочется спать, а ей пришлось сократить время сна аж до пяти часов.

«Ладно, аврал закончится, буду жалеть, что источник пусть небольшого, но все-таки приработка, пропал, – размышляла Надя, спеша к метро. – Володе тоже несладко: на трех работах пашет, еще и дома мне помогает по мере сил. Скоро, совсем скоро закроем ипотеку, вот тогда заживем!»

В новую квартиру Надя с мужем Володей и сыном Игорем въехали четыре месяца назад. И только месяц назад закончили в ней ремонт. Оставались еще недоделки, до которых просто руки не дошли, но жить уже можно было. Радости семьи не было предела: они ждали сдачу дома почти три года! Сроки все время переносили, внутри росли недовольство и усталость. Кроме ипотечных выплат, им приходилось платить за съемную квартиру.

Зато теперь Надя ездила домой без кучи пересадок: садилась на станции «Ростокино» и ехала, любуясь красивым видом, до «Площади Гагарина». В отличие от подземного метро, где на Надю всегда давили бесконечные темные туннели, по МЦК она ездила с удовольствием. Дорога занимала в среднем около пятидесяти минут, и это было временем, когда она могла побыть наедине с собой и со своими мыслями. Наушники ограждали ее от чужих разговоров, а любимая

музыка создавала хорошее настроение. Приходить домой в нервном, разобранном состоянии она не любила. Надя придерживалась принципа, что домашние дела – дома, рабочие – на работе. Именно поездка туда-обратно помогала ей переключиться.

Сегодня ей повезло: несмотря на пиковое время и возросшую популярность поездов МЦК, Надя увидела свободное место у окна и с удовольствием в нем устроилась. Надев наушники, она включила музыку и уставилась в окно на огни большого города. Ноябрь был самым темным временем года, до тех пор, пока не выпадет снег. И в этой темноте фонари и окна вечерней столицы смотрелись как гирлянды, напоминающая о приближающемся празднике.

Поезд ехал неспешно, очень мягко. Надя смотрела на многоэтажный дом, мимо которого проезжала, и в одном из окон, где приветливо горел свет, а на подоконнике стоял горшок с каким-то растением, мелькнул силуэт.

«Вот, кто-то уже дома. Интересно, что этот человек делает? Может, он только что поужинал и теперь сидит за компьютером или смотрит телевизор. Вокруг бегают собаки или кошка... А может, у этого человека есть семья, и они все вместе устроятся на большом диване, чтобы посмотреть фильм».

Она отчетливо представила эту квартиру. Большая комната с длинным шкафом вдоль одной стены. Много полок, на каждой – безделушки и фотографии. Диван, на котором

уместится вся семья, пушистый коврик и журнальный стол. Прикрыв глаза, Надя почувствовала даже приятные запахи родного дома.

Поезд сделал остановку, и она очнулась. Часть людей вышла, часть зашла, и они двинулись дальше среди огней домов, проезжающих машин и фонарей.

«Вот как бывает, – подумала Надя, – едешь изо дня в день по одному маршруту и даже не обращаешь внимания, что эти светящиеся окна таят за собой какие-то истории, прячут чью-то жизнь от посторонних любопытных глаз!»

И она пригляделась: вдруг что-то еще заметит в окнах многоквартирных домов? Но фантазия уже рисовала за нее и то, чего она не видела: кошку на подоконнике, глядящих в окно детей, пожилых людей, горшки с цветами и другие предметы, которые были просто убраны с глаз подальше за штору.

Свет в окнах был разный: у одних холодный, у других мягкий. У кого-то ярче, у кого-то бледнее. Кто-то плотно задернул шторы, а кто-то лишь слегка прикрыл тюлем. Но за каждым скрывалась своя история.

Прямо сейчас в любом из этих окон кто-то может радоваться. И даже танцевать от счастья! А кто-то грустит, переживая не самые легкие времена своей жизни. Надя размышляла и о составе живущих людей. Сколько там, в этих окнах, сейчас человек? Одиноких и семейных? А может, кто-то прямо сейчас, пока поезд проезжает мимо его дома, тоже

смотрит в окна и гадает, о чем думают его пассажиры, с каким настроением едут.

Кто-то тронул ее за плечо. Надя подняла голову и увидела женщину с усталым лицом. Она сняла наушник и приготовилась выслушать.

– Уступите место девушке с ребенком.

Рядом стояла молодая мама, одной рукой придерживая ребенка, другой держась за поручень. Надя чуть встряхнула головой, легко поднялась и отошла в сторону, уступая место. Она прошла по вагону и встала так, чтобы можно было продолжить свое наблюдение. Внутри появилось удивительное чувство, больше похожее на замешательство: все эти окна сегодня ее просто манили.

«Что интересно, почти всегда светится только часть окон, – подумала Надя, разглядывая очередной дом. – Что делают люди, которых дома нет? Может, едут со мной в этом поезде? Или они все же у себя в квартире и спят? Может, кто-то болеет или страшно устал?»

Она жила в Москве уже почти двадцать лет. Приехала поступать после школы да так здесь и осталась. За эти годы Надя несколько раз чувствовала себя одиноко в этом многолюдном и шумном городе. Но только сейчас ощутила, как много таит в себе столица! Сколько событий происходит здесь каждую секунду! Сколько человеческих судеб спрятано за этими святящимися окнами, и как много людей рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.